

БЕЛГОРОД. Один из нас

Чем больше спектаклей по пьесе А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» вижу я на разных сценах, тем чаще возникает вполне абсурдное представление: где-то там, непостижимо далеко, в иной реальности, Александр Николаевич Островский, внимательно отслеживая все, происходящее не только на его родине, но и в мире, переписывает текст своего шедевра, созданного в 1868 году. И чем больше пытаются режиссеры «осовременить» написанное драматургом, переодев персонажей в соответствие с последними требованиями причудливой моды, чем навязчивее звучит иронически интонированный текст, тем меньше оказывается в «Мудреце» поражающей современности. Тех совпадений с нашей реальностью, от которых никуда не деться...

В самом начале августа в Белгородском государственном академическом драматическом театре им. М.С. Щепкина прошел генеральный прогон спектакля «На всякого мудреца довольно простоты» в постановке **Бориса Морозова** и московской отчасти группы (художник **Анастасия Глебова**, художник по костюмам **Андрей Климов**) с изысканным и точным музыкальным оформлением **Руслана Родионова** (Белгород). Это уже восьмой спектакль, поставленный Борисом Морозовым с белгородской труппой — сильной, разнообразной, талантливой. И по состоявшемуся прогону, на котором, несмотря на отпускное время, зал был полон, спектакль ждет большой и заслуженный успех.

Казалось бы, не открыв ничего принципиально нового в хорошо знакомой едва ли не со школьной скамьи пьесе, режис-

Глумов — В. Дорогин, Мамаев — В. Бгавин

Клеопатра Львовна — В. Васильева

сер сосредоточил актерское и, соответственно, зрительское внимание на поразительно современно звучащем тексте, в котором раскрываются подлинные глубины. И начинаешь задумываться о том, что именно сегодня, при нашем разделении общества, само название воспринимается неоднозначно.

Мудрец в хрестоматийном понимании, конечно, молодой человек Егор Дмитрич Глумов, затеявший и осуществивший с блеском сложную интригу вхождения в круг сильных мира сего. Вот только в последний момент недооценил, насколько коварной может оказаться оболоченная женщина.

Но ведь мудрецами мыслят себя и те, кто составляет этот круг: Крутицкий (как же непохож на себя **Виталий Стариков**, виденный мною во многих ролях!); Мамаев (**Виталий Бгавин**, чьи самодоволь-

ство и упоенность каждым произнесенным словом просто восхитительны); его жена Клеопатра Львовна, сыгранная **Вероникой Васильевой**, которую мне тоже посчастливилось увидеть и высоко оценить в большинстве ее очень разных ролей, буквально помешавшаяся на своей молодости и привлекательности (одна ее походка чего стоит!); Городулин, для которого **Илья Васильев** находит необычные для себя краски очень знакомого сегодня типажа; ханжа Турусина, блистательно сыгранная **Мариной Русаковой** (чего стоит ее встреча с Крутицким, в которой раскрывается не только их прошлое, но и вполне возможное будущее!). Каждый из героев комедии не только мнит себя, но и на самом деле становится мудрецом в течении современной жизни — написании трактатов, которые невозможно понять даже при тщательной ре-

Крутицкий — В. Стариков, Мамаев — В. Бгавин

дакторской обработке; житейской хватке, питающей поучения Мамаева; выданных за свои спичей, написанных другим человеком; всесильного женского кокетства; чисто внешнего служения религии пополам с мракобесием и готовности в любой момент на былые «шалости»...

Когда-то Борис Морозов поставил в Белгородском театре практически неизвестную пьесу Л.Н. Толстого «Зараженное семейство» (спектакль идет под названием «Завороженное семейство»). И возникает невольная переключка двух разных творцов: перед нами — замороженное общество, в котором каждый твердо усвоил свою роль и не свернет с обозначенного пути. Наоборот — попытается завлечь на него того, кто в какой-то момент оказался полезен, нужен.

А они все заморожены собственным мнимым величием, возможностями рас-

поряжаться чужими судьбами, вовлекать новые поколения в трясину ничем непоколебимых истин. И хотя на протяжении почти всего спектакля звучат из зрительного зала смех и аплодисменты узнавания, к финалу становится жутковато... от предсказуемости, от вечной, более столетия повторяющейся истории о том, каким образом достигают карьеры...

Егор Глумов (это первая и очень удачная работа **Владимира Дорогина**) появляется из зрительного зала в крылатке, широкополой шляпе и перчатках, поднимается на сцену, не обремененную деталями быта, состоящую из оконных и дверных белых рам, и проходит через все эти видимые насквозь пространства, что становится точным обозначением движения молодого человека к своей цели. А потом, сняв верхнюю одежду и оставшись в чуть тесноватом сюртучке,

Глумов — В. Дорогин, Манефа — Н. Пахоменко, Глафира Климовна — Т. Дюжикова

предстанет юношей, почти мальчиком с открытым, по-детски наивным лицом, оказавшись за письменным столом, объявляет свою «программу действий». Поначалу недоумевающая его мать Глафира Климовна («Зачем ты заставляешь меня писать эти письма?...»), услышав признания единственного сына: «Маменька, вы знаете меня: я умен, зол и завистлив, весь в вас...», — на какой-то миг буквально расцветает от радости. **Татьяна Дюжикова** играет это мгновение очень выразительно, как будто для того, чтобы в сцене с Клеопатрой Львовной показать свое истинное лицо, не переборщив ни в лесть, ни в изображении бедной благодетельствованной родственницы.

Одним из очень важных моментов спектакля Бориса Морозова стала для меня совершенно особая интонация действия —

никто не акцентирует иронию, циничное отношение Глумова ко всем без исключения персонажам: все заложено в тексте, который, что называется, говорит сам за себя, подчеркивая и выделяя невымышленную современность. И потому особый смысл приобретают те герои, которых принято относить к второстепенным — Манефа в великолепном исполнении **Надежды Пахоменко**: к Глумову она является с поистине королевским достоинством, чтобы получить гонорар за проделанную работу; и совсем иначе — к Турусиной, где демонстрирует, как она «владеет профессией». Григорий, человек Турусиной, появляется всего на несколько мгновений, но **Михаил Новичихин** своим танцем перед началом картины и короткими репликами умело создает характер — отнюдь не проходной. То же можно

Турусина — М. Русакова, Машенька — Н. Чувашова

сказать и о Голутвине в выразительном исполнении **Андрея Манохина**. Чего стоит одно его откровение: «Писал все: романы, повести, драмы, комедии... Не печатают нигде, ни за что; сколько ни просил, и даром не хотят. Хочу за скандалчики приняться... В других местах бьют, а у нас что-то не слышать...»

Неужели нельзя узнать за этими словами не только голоса многих сегодняшних журналистов, но и идеологию радио, телевидения, прочих СМИ?..

Хороши и приживалки в доме Турусиной (**Ольга Решетова** и **Валерия Клетнёва**), обворожительна Машенька **Наталья Чувашовой**, типичная «московская невеста», для которой важнее прочего приданое, а благословение уж как-нибудь приложится; в сущности, наивен, как и Глумов, незадачливый гусар Кур-

чаев (**Сергей Штатнов**), в отличие от своего дальнего родственника не сумевший «идти напролом».

Обо всем не расскажешь, но спектакль Бориса Морозова в Белгороде заставляет многое для себя пересмотреть и познать в пьесе А.Н. Островского, созданной, как видно, на все времена. Главное — чуточку прислушаться к словам драматурга. А Борис Морозов обладает тонким слухом, позволяющим ему понять: это про нас. Может быть в какой-то степени больше, чем про современников Островского.

И совсем не случайно Егор Дмитрич Глумов в финале уходит в зрительный зал. Вроде бы, решение предсказуемое, но какое же точное — ведь он один из нас...

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ
Фото Натальи ЗОТОВОЙ